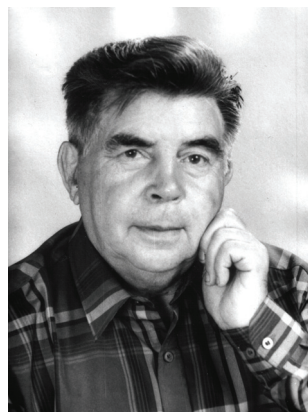

Современная проза

Борис ФЁДОРОВ

СЛЯКОТЬ

Повесть

В любви, и только в ней,
вся наша красота.
Лишившийся любви – последний сирота.
А кто вином любви омыть
не хочет сердце,
Тот отличается немногим от скота.
*Омар Хайям
1224 рубаи*

1

В середине февраля второй зимы нового миллениума наступила резкая оттепель. Южные ветры нагнали, будто мощным вентилятором, массы теплого воздуха. Снег на дорогах растаял, оголив асфальт, на котором тотчас образовались лужи и потекли первые робкие неспешные ручейки.

По радио по одной программе утверждали, что это самая теплая зима за последние сто лет. По другой убеждали – за последние шестьдесят. Но поскольку метеосводки последнее время без конца перевирают одна другую и их даже стали обзывать метеосказками, то и хронологию о самой последней теплой зиме тоже можно с уверенностью отнести к разряду погодных легенд.

Семен Родионов, выписавшись из больницы после операции в Красноярске на коленном суставе, где его оперировал большой друг отца, знаменитый профессор Колесников, приехав ночным поездом, а затем с вокзала маршруткой, шел домой по родному микрорайону, сильно хромя и наступая в лужи. Он думал о том, что Сибирь – это страна чудес, и временное тепло, прорвавшееся вне-

запно с юга, может столь же внезапно смениться жуткой холодрыгой. Что, как правило, февраль бывают ветренными и жестокими, когда мороз закручивает под сорок и хлесткий ветер вдобавок сечет нещадно.

Да, это выдался особый февраль. Солнце светило щедро. Вдоль теплотрассы чернела рано оттаявшая земля, дополнительно подогреваемая горячими трубами снизу. По земле бродили малые стайки голубей, не обращая внимания на ребяташек, которые, пользуясь мокрым снегом, азартно лепили рядом снежную бабу.

Лохматая собачонка, сдерживаемая длинным поводком, которым управляла скрюченной рукой старая бабуля, вертелась тут же возле ребяташек, низко опустив голову к самой земле, спешно нетерпеливо выискивала кладку своих прежних экскрементов. Она быстро справила малую нужду, задрав ножонку на поломанное сорванцами деревце.

– Все? – спросила старушка, хотя и сама распрекрасно видела результат. – Тогда пойдем домой.

Бабуля шагнула было в нужном ей направлении, но собачонка, увидев вдалеке собачью свадьбу, вырвалась из хилой руки и понеслась на свидание с себе подобными. Тут из-за угла выскочил огромный рыжий пес и с ходу пристроился в хвост маленькой сучонки.

– Чубайс! Чубайс! – орал его хозяин, обессмертивший «очень дорогое» для народа имя.

Солнце сияло. Но тут накатилась туча,

будто съехала, как на санках, с горки. Небо враз потемнело, и пошел очень крупный, мохнатый, прямо-таки праздничный снег.

Семен даже остановился на минуту и засмотрелся на то, как роскошные снежинки медленно вьются в потоках воздуха, то не спеша поднимаясь вверх от малейшего дуновения ласкового ветерка, то так же медленно опускаясь, когда ветерок замирал. Сразу же на ум пришла песня и завладела им.

Снег кружится, летает, летает,
И, поземкою клубя,
Заметает зима, заметает
Все, что было до тебя.

Песня звучала в мозгу радостно. Она соответствовала мажорному настроению Семена, освободившегося от жестких продолжительных пут болезни, преодолевшего в больнице тяжелый недуг. И все вокруг – и эти шустрые крикливые пацаны, копошащиеся на белой площадке и трещащие, как сороки на опушке, когда к ней приближается человек; и голуби, степенно ходившие по земле; и этот завораживающий полет шикарных белых кристаллов, которые можно было рассмотреть, когда они падали на перчатку – все отражалось в сердце торжественным ритмом бытия.

И тут, подходя по проулку к своему трехэтажному трехподъездному, на двадцать семь квартир, дому, Семен увидел у первого подъезда большую толпу людей и много легковых автомашин, преимущественно иномарок. Три из них, стоявшие друг за другом ближе к подъезду, разукрашены широкими лентами и шарами. А на капоте первой восседала хорошенькая кукла в розовом платьице и фате, за спиной которой на крыше машины сияли золотом переплетенные кольца – одно побольше, другое поменьше – эмблема любви, верности и преданности.

– Кто это тут у нас подвиг совершил, пока я продавливал сетку на больничной койке? – спросил Семен бабу Шуру из второй квартиры, знавшую многих в доме, потому что жила в нем давно, ведавшую, кто в какой квартире живет, чем занимается и сколько получает. Правда, последнее знала не про всех. И только потому, что далеко не все теперь откровенно распространяются о доходах, поскольку ныне это коммерческая тайна.

Баба Шура чутко помедлила, посмотрела на Семена удивленно (что, дескать, не знаешь, что ли?). Ответила в тон ему несколько насмешливо:

– Игорь Разуваев из восьмой квартиры расхрабрился. Олег Голубков, брат его двоюродный, друг ваш закадычный с раннего детства, твой и его, внезапно поки-

нул белый свет – вон похоронка стоит, а этот Дон Жуан, самому сорок два, а дуреху себе ухватил восемнадцатилетнюю.

Семен кивнул в знак того, что все понял и, уже не слушая бабу Шуру, повел глазами по двору и только теперь заметил, что у соседнего подъезда стоит черный катафалк.

И тут по шевелению толпы понял: действие началось. Из первого подъезда вышла сначала кучка молодых и пожилых мужчин и женщин, парней и девушек, одетых в верхнюю одежду. Следом показался жених в элегантно черном костюме на руках с невестой, длинное белое шикарное платье которой свешивалось подолом до самой земли.

Одновременно, как по команде, из второго подъезда вынесли пару венков, крышку гроба и сам гроб, и вышла малая кучка провожающих в последний путь.

Жених поставил невесту на ноги на сухой островок возле машины с куклой, слегка наклонившись при этом вперед, и на верхушке его головы засверкала среди черных волос круглая белая, величиной с маленькое блюдечко, яркая на солнце плешь.

И тут же кто-то быстро накинул на узенькие плечи невесты дорожное норковое мантио, подарок жениха к свадьбе, чтобы не озябла.

Черные люди установили гроб на пару табуреток позади похоронного фургона.

В толпе тихо говорили:

– Да, не первой свежести женишок. В папаши невесте годится.

– Сойдет в темноте за первый сорт. Не палкой же ее, дуру, за него гонят. Сама идет.

– Ага! У него уже две другини было.

– Было, да сплыло, а эта третья.

– Бог троицу любит.

– Что считать. Баб на свете навалом.

Тут к жениху и невесте подошли несколько человек. Они вручили невесте пышные букеты. Одни ярко-белых роз – символ чистоты и девственности, другие ярко-красных – знак любви и нежности.

Семен не знал, как поступить. К кому подойти раньше. Решил прежде на минуточку к свадьбе, потом к похоронам. Подошел к Игорю. Пожал руку. Слегка наклонил голову перед невестой. Коротко бросил:

– Поздравляю.

– Ты это... Приходи к пяти в кафе «Радуга». Там свистопляска будет.

– Ладно, если получится. Только подарка у меня нет, из больницы приехал. Да потом, прежде на похороны надо.

– Понятно, – сказал Игорь.

У гроба слышался плач. Семен направился к гробу. Снял шапку. Олег лежал с

серым, но мало изменившимся лицом. Нос у него сильно заострился, как у птицы. В ногах покойника лежали цветы.

В воздухе все еще порхали громадные снежинки. Они кружились в каком-то медленном белом танце. Отдельные из них падали на лицо усопшего. И лежали на холодном челе, не спешили таять.

Жених с невестой уселись в машину. Свидетели, друзья и родственники заполнили другие легковушки, но не отъезжали – произошла какая-то заминка.

Жена Олега Светлана всеми силами сдерживала себя, чтобы не закричать в голос над телом мужа. Ее успокаивали, давая какие-то капли и таблетки.

Подошла баба Шура, мягко попросила:

– Поплачь, Светочка, поплачь, милая, тебе легче будет.

Семен сбегал на минутку домой, чтобы сказать о прибытии из больницы и оставить сумку. Дома никого не оказалось. В записке от жены Раи было две строчки: «Сеня, пишу на случай твоего приезда. Умер Олег. Я у Голубковых. Буду готовить поминки».

Когда Семен вернулся, гроб уже поставили в катафалк. И в этот момент свадебная кавалькада и похоронная процессия тронулись в разные стороны.

Свадебная колонна набрала скорость быстро, будто ее кто-то хлестко стегнул длинным бичом.

Похоронный же фургон поехал медленно. За ним шла небольшая кучка людей. Впереди шагали две девушки и редко бросали наземь блеклые гвоздики и хризантемы.

Семен заметил, что тучи стали внезапно рассеиваться под порывами шустрого верхового ветра. Падение необычайных кристаллов прекратилось.

2

Катафалк по окраине города от микрорайона до близкорасположенного кладбища добрался в считанные минуты. И по кладбищу, по укатанной дороге в сосновом бору проехали быстро. И похороны прошли быстро. Могила была готова. Провожающих приехало мало. И, протившись окончательно, хотели уже закрывать крышку гроба, как Светлана сорвалась, закричала, не помня себя от горя, и не давала защелкивать крышку на запоры, отталкивала ее руками.

Она надрывно, почти обезумев, взывала к покойнику, будто он мог услышать, понять ее боль и ответить:

– Олег! Олег! Ну что же ты наделал? Ну, куда же ты ушел? На кого же ты нас оставил? На кого бросил? И как же нам теперь жить?

Ее держали под руки двенадцатилет-

няя дочь Ира и сын Валера – десяти лет от роду. Они тоже ревели, не утирая слез. А она все надрывалась до хрипа, пока ее почти силой не оттащили от могилы.

Когда опускали домовину, баба Шура сказала Семену:

– Надо же так нелепо уйти.

– Как?

– Глупее не придумаешь. Машину в гараже ремонтировал. Ну, отремонтировал. Завел. Сел в кабину, наверное погреться, и задремал. Ира принесла перекуску, а он уже труп.

Семену стало понятно, почему Олег Голубков, молодой здоровый мужик, одногодок Игорю и ему самому, так внезапно ушел из жизни. И это уже не первый, а четвертый человек на памяти Семена погибает, отравившись угарным газом в гаражах. И почему уроки других не впрок? Олег же сам несколько месяцев назад вытаскивал труп угоревшего мужика. Еще рассказывал Семёну о происшествии, удивлялся людской беспечности. А теперь вот – дети сироты, жена вдова и горе, навалившееся на них тяжелой глыбой, преодолеть которое не каждому под силу.

Гроб тем временем опустили в неглубокую могилу, всего-то метра полтора (глубоко похоронщики теперь не роют, то ли торопятся, то ли стандарт такой), зарыли, насыпали холмик, установили временный железный памятник-пирамидку. Всех провожающих обнесли водкой по полстакана, дали заесть по дольке колбасы и печенюшке. И еще дали по носовому платку.

А снежинки опять летели к земле, мохнатые, огромные. Снова взмывали, кружились в воздухе и, наконец, падали на сосны, на людей, на установленные к памятнику венки, на ждавший на дороге похоронный фургон, завершив в воздухе свой прощальный белый танец.

На поминки Олега собрались те, кто приехал с кладбища, человек пятнадцать.

Зеркала в квартире были еще завешаны простынями. У портрета Олега, стоявшего в черной рамке на тумбочке в торце накрытого стола, огарки потухших и оплавивших парафиновых свечей.

Олег смотрел с цветного портрета серыми ясными добрыми глазами. Улыбка полуоткрытых губ освещала его круглое лицо. Глаза тоже улыбались. Взгляд Олега всегда – и живого при встрече с людьми, и здесь на фотографии – излучал неизменное тепло.

Верхняя пуговица на воротнике клетчатой рубашки была расстегнута. Он любил носить пёстрые демократичные рубашки с широкими свободными воротниками. Носил их накладкой сверху даже на пиджаки и свитера. А галстуки презирал и никогда ими не пользовался, даже в

торжественные минуты, когда предполагалась и требовалась строгость, официальность и обязательность в галстук. Такой он был, вольный и независимый человек.

Люди, негромко переговариваясь в скорбной тишине, сели за стол, съели по ложке кутьи, по блину, выпили по сто граммов водки.

Речей длинных никто не произносил. Несколько поминальных слов сказал Семен Родионов, тихо, с паузами, волнуясь.

– Олега знал с детства. Он всегда был моим соседом и другом, корешем, одним словом. Правда, в последнее время неудачником был. Не по своей вине. По воле обстоятельств. Ну, короче, светлая ему память. Хороший мужик был, честный. И отец любящий, и муж. В общем, пусть земля ему будет пухом. Царствие небесное.

Семен выпил полстакана водки, но хмель, как и на кладбище, не ударил ему в голову, только горечь обожгла рот и пищевод.

Несколько человек перекрестились, говоря:

– Пусть земля будет пухом рабу Божьему Олегу.

А одна набожная женщина произнесла подходящие в таких случаях слова молитвы:

– Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего Олега. Господи, прости ему прегрешения вольные и невольные и Царствие Небесное даруй.

Все присутствующие выпили вслед за Семеном водку.

На стол подавала Раиса Родионова. Щи горячие после доброй стопки водки согревали душу, приглушали горечь утраты.

Раиса сказала:

– Мужики и женщины, пейте и закусывайте. Положено в память по три стопки обязательно. Обычай такой русский. И закусить, слава Богу, есть чем. Пейте, мужики.

Люди пили, закусывали. Колбасы, салатов, сала копченого, пирожков, апельсинов, резанных ломтиками, яблок, конфет, булочек, напитков – всего было достаточно. Родственники постарались, чтобы было не хуже, чем у людей.

Водки на столе стояло много. В очередной раз стаканы подняли после слов Семена. Потом перед гуляшом с картофельным пюре. Был обычный набор питья и закуски, какой бывает на всех поминках.

Светлана сидела в черном платье, покрыв голову и плечи черной же вязаной дырчатой шалью, замкнувши душу на семь запоров, и не могла ни есть, ни пить, ни говорить. И Валера, и Ира сидели, как

примагниченные к стульям, и тоже ничего не ели. Лица их были бледными, перепуганными.

Мужики выпили еще по стакану киселя и молча разом встали из-за стола.

И Семен вместе со всеми поднялся. Покурил на площадке с мужиками и подался в свою соседнюю с Голубковыми квартиру, оставив Раису заканчивать поминки.

Дома он включил телевизор и стал смотреть, не вникая в суть происходящего в ящике. Там гремела пальба. Стреляли друг в друга какие-то рэмбо, били витрины, поджигали дома, взрывали машины, и те взлетали на воздух вместе с окровавленными людьми. Кадры мелькали один за другим, а Семен, лежа на диване, думал об Олеге и Игоре.

Да, Олег и Игорь приходились друг другу двоюродными братьями. Они родились в одном городе, в один год и даже в один день. Их родители – родные брат и сестра Валентин и Валентина Разуваевы – были очень дружны. Игорь родился от Валентина, Олег от Валентины, в замужестве Голубковой.

Сначала они жили в одном дворе и очень дружили между собой, как и их родители. Потом судьба распорядилась так, что их семьи поселились в одном доме, только в разных подъездах, но на одном втором этаже. Их квартиры разделяла капитальная стена, но балконы выходили на одну сторону и располагались рядом. И Игорь с Олегом, выйдя на балконы, разговаривали часами. Или торчали один у другого и пили, и ели, а то и ночевали на одном ложе, чуть ли не в обнимку.

В школе в одном классе учились. За одной партой сидели. А Семен за ними на парте сзади, тут же рядом.

После школы носились по двору, гоня футболь с дворовыми мальчишками. Всегда играли за одну команду. Игорь правым крайним нападающим, здорово играл, команду за собой вел, Олег защитником, а Семен вратарем. Нога у него правая от рождения была короче на семь сантиметров левой. Он хромал и не мог быстро бегать. А ворота защищать – пожалуйста.

Драться, если случалось, стояли друг за дружку стеной. И Семен всегда с ними все затеи третьим разделял. Короче, друзья были – не разлей вода.

Возглавлял троицу Игорь. Он всегда лидерствовал, не только в футболе, но и во всех делах. Говорун, насмешливый, остроязычный, сильных он опережал, слабых подавлял. В общем, был ведущим. Олег же, напротив, ведомым. А Семен вечно между ними, как связующее звено.

Заканчивали десятилетку. И еще в школе влюбился Олег в светлоокую, светло-волосую девочку Настю, появившуюся новенькой в девятом классе. Сидит и смотрит на нее, бывало. Надо задачи решать или сочинение писать, а он глядит, как Настя ресницами машет. Она взмахнет ресницами, а у него душа замирает. И так хорошо ему станет, если она даже мельком глянет на него и улыбнется. Улыбалась она всем лицом, так же как и он сам, и губами, и глазами. И все внутри у него затрепыхает, и волнение к самому горлу подступит. И даже комок какой-то в горле образуется, который сглатывать надо.

Учительница математики даже шутила над Олегом:

– Голубков, шею не сверни. А то останешься таким вот повернутым на всю жизнь.

И даже шутливо голову поворачивала. Одноклассники улыбались. Стал Олег Настю после уроков дожидаться. Провожать. Игоря и Семена даже немного сторонился. Хоть и оставались они такими друзьями, что случись не дай Бог несчастье, в одну могилу их положи – и тесно не будет.

Все знавшие Игоря и Олега удивлялись, восхищались и поражались их дружбе. Говорили:

– Да их и водометом не разгонишь. Они как склеенные.

Настя тоже к Олегу тянулась, как былинка к солнышку. И он возле нее, как голубь вокруг голубки, все гур-гур-гур. Не очень-то разговорится с кем другим кроме Игоря, а для нее всегда слова ласковые, необычные находил, будто слова эти пеклись на его горячем сердце, как блины на сковородке.

И возникла между ними обоюдная клятва, чтобы вместе до гробовой доски. Олег не только любил Настю, но еще и сильно жалел. Она была полусирота. Отца своего не знала и никогда не видела даже на фотографии. Да и знать не могла, потому что это был залетный молодец, похотливый красавец, посетивший проскоком родной материн город Бердск и польстившийся на глухонемую девушку.

Олег часто бывал у Насти в однокомнатной хрущобе в соседнем доме и общался с ее матерью, если его приходы можно назвать общением. Мать Насти Ирина Ивановна, очень подвижная, худенькая женщина, пытаясь что-то сказать Олегу, всегда быстро жестиком лировала руками, делая пальцами разные фигуры и знаки, помогая при этом неприятной мимикой лица, особенно губами, и произноса единственно подвластные ей звуки «Э-э-эм».

Эти звуки выражали все: радость,

горе, счастье, удивление, восхищение, страх, заботу и прочее и прочее. Только эти звуки каждый раз произносились с особым оттенком, соответствующим высказываемому ей чувству.

Ирина Ивановна закончила семилетку в школе глухонемых, по нашим временам была малограмотной, работала уборщицей в местной больнице, выполняя там самую грязную работу, мыла палаты, коридоры, лестницы, туалеты, судна и утки, получая за этот самый грязный и неблагодарный труд считанные копейки.

Поэтому Настя ходила очень бедно одетой и обутой во все ношеное-переносное, стираное-перестиранное. И это позорное нищенское состояние делало ее, красивую девочку, стеснительной и необщительной с благополучными подругами по школе и по дому, разодетыми по последнему писку моды, носящих со второго класса часы и дорогие серьги.

Появление в ее жизни надежного, доброго парня Олега делало ее счастливой и уверенной в будущем. Она любила его всем своим сердцем и так же любила свою мать, добрую, миловидную женщину, подарившую ей жизнь. И в минуты прорывающейся нежности Настя обнимала, целовала мать и гладила своими ладошками ее голову.

– Э-э-м! – удовлетворенно произносила мать. Тоже целовала дочь.

И обе они почему-то плакали.

А Олег так увлекся Настей, что одно время даже хуже учиться стал. И хоть десятилетку вытянул, но в институт поступить не сумел. Игорь поступил в НЭТИ, Настя в технологический техникум питания, Семен перешагнул порог проходной оборонного завода, а Олег загремел в армию, аж на самый Дальний Восток.

3

В кафе «Радуга» Семен появился, когда жених с невестой, свидетели, близкие родственники и шафер (дружка) вернулись после венчания в церкви (во дворце бракосочетания они побывали три дня назад) и расселись вместе с многочисленными гостями за столы, расставленные буквой «П». Семен устроился на свободное место рядом с бабой Шурой.

Шафер – главный распорядитель, самое почетное на свадьбе лицо, длинный, тонкий мужик, бойкий, знающий весь обряд, балаболистый говорун, массовик-затейник и общий увеселитель – встал, вихляясь, со своего места и торжественно объявил, для какой цели приглашенные собрались в этом прекрасном вместительном зале, будто никто из присутствующих не знал цели своего визита.

Затем он еще более торжественно

сообщил, что слово имеет бог брака – Гименей.

На середину зала широким шагом твердой походкой вышел плотный мужик среднего роста, курносый и в больших на пол-лица овальных очках с коричневатым оттенком, в длинном черном до пят сатиновом плаще с широкими складками, надетом на плечи, как офицерская плащ-палатка, и в черном высоком цилиндре, расширяющемся кверху, на белой ленте которого над прямыми полями для верности крупными печатными буквами ярко выделялось слово «Гименей», свидетельствующее о принадлежности этого странного типа к божественному началу.

Гименей произнес довольно путаную речь, из коей явствовало, что сидящие здесь жених и невеста после обряда бракосочетания и венчания в церкви теперь уже не жених и невеста, а доподлинные муж и жена. Но поскольку в действительности они хоть уже муж и жена, но свадьбы еще не отгуляли, то они как бы жених и невеста, опять же раз мужем и женой становятся после свадьбы, то нужно ее хорошенько отгулять, потому что она бывает один раз в жизни.

– Ага, – сказал один из гостей, как бы возражая Гименею, – один раз. А третий не хочешь? Он уже двух выпроводил. Все ему не такие.

– Да уж, покобеляжничал Игорь на своем веку, – сказал сосед справа.

А сосед слева возразил:

– Что у него, как у бабы, век сорок лет?

– Сорок два.

– Какая разница.

– Большая. Вон его брат сродный Олег в сорок два умер.

– Так то несчастный случай.

– А женитьба что, большое счастье?

– Кому как.

Гименей продолжал разглагольствовать, произнося первый тост за счастье жениха и невесты.

– А Гименей-то, Гименей, – сказала баба Шура, – не Гименей, а пародия.

– Почему? – поинтересовался Семен.

– Гименей в античной мифологии Бог брака, сын Диониса и Афродиты, который то ли внезапно скончался, то ли потерял голос на очередной свадьбе своего отца. Последний потребовал провозглашать имя Гименея на всех свадьбах. И изображался Гименей нагим юношей с факелом в руке.

– Полно вам, баба Шура, – остановил ее Семен, – времена давно изменились. Какой голый юноша, какой факел. Теперь все не так, как раньше. Это же для обряда только.

Баба Шура смутилась, поняв, что сказала лишнее. Блеснула, да невпопад.

Невеста Зина, усыпанная стурбулевыми за штуку розами, хорошенькая, как куколка на капоте, и жених в ярко-черном к костюму галстук с булавкой, украшенной крупным бриллиантом, сидя на самом почетном месте в середине перекладчины упомянутого печатного знака, выслушивали эти хвалебные тосты-гиперболы; вместе с гостями, друзьями, родственниками, свидетелями пили самые изысканные вина: дорогущее подлинное французское шампанское, добытое в ресторане по бешеной цене, лучшие армянские коньяки, ароматнейшие мускаты, хересы, крепчайшее бренди, виски и, конечно, больше всего со звоном чокались тонкими хрустальными рюмками с лучшей столичной водкой; пели и отплясывали под мадам Брошкину разными вольными стилями с непредсказуемыми телодвижениями и выкрутасами, особенно ногами и руками, кто как может, в общей куче, но женщины отдельно от мужчин. Опять пили и закусывали. И как бы плотно ни закусывали, все равно пьянели, и вскоре уже красные потные дамы приглашали кавалеров, и в зале кружился белый танец. И конечно, невеста танцевала со своим избранныком.

В перерывах между многочисленными тостами и танцами главный распорядитель – дружка – то заставлял Игоря и Зину откусывать от круглой булки хлеба, поднесенной им на вышитом рушнике с солонкой наверху, громко объясняя жениху и невесте, что тот, кто больше откусит, тот и будет главой семьи (больше откусила Зина). То призывал родственников и гостей дарить молодоженам подарки. И те клали на поднос деньги или объявляли громогласно о дарении таких-то и таких-то ценных вещей. Или заставлял Игоря и Зину пилить маленькой двуручной пилой из нержавеющей стали сухое суковатое полено (лучшего впопыхах не нашлось), вопрошая при этом:

– Сумеют ли молодожены поддерживать семейный очаг?

В одной из пауз гости рассыпали горстями по полу монеты. Невеста мела венником и собирала деньги в совок. А гости снова расшвыривали и кричали при этом:

– Почему такая жуткая грязь кругом?

Потом, когда жених на минутку отлучился выкурить сигарету, невесту украли лихие «грабители» и спрятали в гардеробе между шуб, курток и дубленок. А жених, отыскав ее, выкупал у похитителей за приличные денежки, потому как последние набивали цену и не хотели уступать.

И опять пили, и опять ели, и снова выплясывали до бесконечности.

– Богатую свадьбу Игорь закатыл, – сказал какой-то мужчина, сидевший на-

против Семена и бабы Шуры. – Друзей полно поназвал.

– Насчет богатства, да, – парировала баба Шура, – преуспел Игорь. Бизнесменом заделался. Деньгами ворочает. Квартиру двухкомнатную рядом со своей трехкомнатной прикупил, иномарок пару. А вот к Олегу покойному даже не подошел, хоть тот когда-то не только братом, истинным другом был. А насчет этих друзей, что здесь выкобенивались, так и то сказать: друзей-то-приятелей у него очень много, да друга нет, – она посмотрела на Семена, – разве что Семен остался, да и то прежней привязанности нет. Ты не обижайся, Сеня, но ты теперь больше, как бы это сказать помягче, бывший друг, посредник между прошлым и настоящим, потому что ты бедный, а он богатый. А богатые, неожиданно разбогатеv, как правило избавляются от бедных друзей и бедных родственников. Правильно я говорю? – опять посмотрела баба Шура Семену в глаза. Семен пожал плечами. – Ведь между вами давно пробежала черная кошка.

«Да, – подумал Семен, – той сердечности, тяги друг к другу, преданности, бывшей в детстве и юности, после трагедии с Настей нет. Баба Шура права. Но она не обо всем знает. О том, что Олег, уходя в армию, попросил Игоря, не знает. Олег сказал тогда:

– Ты, братка, сбереги Настю. А то тут многие захотят руки протянуть.

– Сберегу.

– Поклянись.

– Клянусь.

Это было на проводах. Они ударили по рукам. Потом выпили на прощание по последней стопке, обнялись.

– Смотри, братка, это очень серьезно. Она полусирота. Я ее очень люблю. И намерения у меня самые серьезные. Вернусь – обязательно женюсь.

4

Александр Матвеевну Измайлову жители в просторечии спального, как теперь принято называть окраинные микрорайоны огромного мегаполиса, попросту называли бабой Шурой, не потому что ее не уважали – наоборот, уважали, как всегда почитают спокойных женщин, мирно проживших значительную часть своей жизни (больше сорока лет) в одном доме, подле одних и тех же людей, с которыми жила, как с родными.

Она сколько прожила в этом доме, столько же и проработала попеременно то в хирургическом, то в процедурном кабинетах местной поликлиники и была профессионалом высокого класса. К ней тянулись. Ее уважали за то, что она ловко

снимала и накладывала швы, шины и гипс, так же умело в соответствии с огромным опытом делала перевязки, капельницы, уколы и прочие процедуры. И за то, что умела заговаривать, снимать порчу и сглаз. И за то еще, что она при хорошей памяти обладала разносторонними знаниями. Кроме классики (особенно Гоголя), которую она читала и перечитывала, она любила рыться в энциклопедии, различных справочниках и словарях, разгадывать ребусы, кроссворды, чайнворды и словословы.

А собственно, что ей было больше делать? Замуж не вышла, хоть и мечтала о замужестве, как все девушки.

Баба Шура замуж, может, потому и не вышла, что была крайне некрасива. Ростом невысока. Телом толста, широка что вдоль, что поперек. И лицом не удалась. Нос большой, с горбинкой. Разрез глаз узок, как у азиатки. Голова ее сидела на очень короткой шее, практически на плечах.

Создавалось впечатление, будто ваял ее какой-то скульптор долотом и киянкой. Долбанет киянкой по долоту – и отколет от деревянной заготовки толстую щепу. Долбанет еще – и еще отсечет. Так и вырубил грубое, как у папы Карло, создание.

Однако по поводу своей внешности баба Шура была очень самокритична. Будучи еще молодой, подойдя к зеркалу и глянув на свое отражение, она говорила сама себе вслух:

– Да, Александра, удалась ты телом, как гоголевская Коробочка с параметрами 150, 160, 180 при общепринятых, как известно, во всем мире стандартах 90, 60, 90, а лицом, как Собакевич. Того тоже топором и сверлом делали.

Когда к ней подходили, на первый взгляд она ничем не привлекала. Но спокойный грудной голос, звучавший весьма мелодично, и сияющие добротой из узких щелочек ласковые глаза сразу меняли к ней отношение.

Семьей она не обзавелась, садовым участком тоже. Жила одна в скромной однокомнатной квартире. И в комнате ее постоянно присутствовали и пили чай с капустными пирожками и дешевыми конфетками-подушечками и близкие знакомые, и пацаны-соседи Игорь, Олег и Семен.

Она выделяла этих троих ребятшек, уважала их за беззаветную дружбу и преданность друг другу.

Они росли, выросли на ее глазах. Закончили школу. Стали говорить срывающимися басками. Под носами у них появились первые, еще ни разу не бритые пушки.

Настя бывала с Олегом и Игорем у

бабы Шуры, пили чай, беседовали. Когда у Олега возникло первое ярко выраженное чувство, Семен несколько поотстал от друзей, чтобы не мешать Олегу чаще бывать наедине с девушкой. Но все равно оставался близким и к Насте, и к братьям.

Игорь был красив, с тонкими чертами лица, умен, высок ростом, прям, строен, силен физически, легко учился, был лидером не только в группе, но и в классе, и во дворе.

На Настю он тоже поглядывал, но как-то холодно, снисходительно.

Олег выдался ростом пониже почти на целую голову, но в груди широк, силен, гораздо сильнее Игоря, лицом кругл, будто его чеканили по циркулю, с конопушками, разбросанными по щекам и лбу, как звездочки на небу, характером простодырий, добродушный.

Олег жалел всех: бездомных собак, которым обязательно выносил из дома кусочек хлеба или косточку; нищих, которым всегда отдавал последний рубль; жалел детей, жалел Настю, потому что она безотцовщина. Бывая у нее дома, жалел глухонемую мать Насти Ирину Ивановну, обездоленную женщину-инвалидку.

Ирина Ивановна, работая в больнице уборщицей, часто ворчала, что унитазы заляпаны, в раковины набросана бумага и на полу в туалетах разлита вода.

— Эм! Эм! Э-э-мм! — возмущенно произносила она. — Э-э-м.— И горестно качала головой.

Но на другое утро, несмотря на ее возмущение, все повторялось, потому что одна из черт нашего национального характера — всюду мусорить, все разбивать, царапать, и под каждым тополем и каждой ближайшей сосной в каждом поселке непременно устраивать свалку.

Семен помнил, как он пришел в первый раз с Олегом к Насте. На стене в комнате висела черно-белая фотография борца Поддубного. То ли это был идеал мужчины Ирины Ивановны, или просто за неимением других картин и украшений Иван Максимович, заложив руки за спину, смотрел с нее добрыми глазами. Так и казалось, что он высвободит сейчас руку, поднимет ее и подкрутит загнутые вверх усы. Могучее плечо и богатырскую грудь пересекала широкая чемпионская лента.

Он, вероятно, был для обиженной судьбой и людьми женщины образцом силы, верности, честности и порядочности.

Очевидно, поэтому, увидев в первый раз Олега, его сильные покатые плечи, широкую грудь, доброе лицо, она мгновенно оценила его лучшие качества и так же мгновенно решила, что лучшего друга для ее Насти и искать не надо.

Она ткнула узкой ладошкой в середину груди Олега, потом показала на портрет богатыря, подняла высоко большой палец и удовлетворенно сказала:

— Э-э-э-мм!

И с тех пор очень благосклонно относилась к Олегу.

Перед самой армией Настя сказала Олегу:

— Если хочешь, любимый, то можешь остаться. Матери нынче не будет. Она уехала к родным.

— Ты что, с ума сошла? Я подожду. Вернись, тогда все успеем. А пока я тебя для себя же и сохранию.

И Олег поцеловал Настю в губы неумелым еще поцелуем.

Потом шли с Дальнего Востока короткие, но частые письма. Настя рассказывала несколько раз бабе Шууре, о чем пишет Олег. А однажды даже принесла и дала почитать ей солдатское письмо:

«Здравствуй, Солнышко! Здравствуй, моя любимая! Пишу в караульном помещении. Поспал после смены на посту и сейчас бодрствую. За окном снег, ветер, дышит Авачинский вулкан, а я в тепле, передо мной на столе твоя фотокарточка. И я не могу на нее наглядеться.

Еще на сутки стало меньше до дембеля, стало меньше до нашей встречи, потому что я зачеркнул в маленьком нагрудном календарике еще один день.

Прости, письма писать я не умею. А пишу, чтобы сказать тебе, девочка, что я тебя люблю. Завтра напишу еще. Конвертов закупил много.

Целую тебя крепко. Твой Олег».

— Хорошее письмо, — задумчиво сказала Александра Матвеевна. — Сразу видно — любит он тебя искренно. Мне вот никогда никто в жизни таких писем не писал. А тебе пишут. Счастливая ты. Жди его, Настенька. Хороший муж будет.

5

Настя ждала. Училась в техникуме. Жила в маленькой квартирке с больной матерью на хилые гроши ее инвалидской пенсии и крохотной зарплаты уборщицы.

Она всегда была бедно одета. Ей хотелось быть красиво одетой, но желание не соответствовало возможностям, и оставалось стыдиться и ждать лучших времен. Она хорошо понимала, что мать не в состоянии хоть немного лучше ее одевать. Она была ей благодарна уже за то, что та подарила ей жизнь и была привязана к самому дорогому, самому близкому и родному существу сердечными узами, как бывает привязана веревочкой авторучка в любом сбербанке загадочной России.

Настенька и питалась очень плохо.

Зная это, Александра Матвеевна старалась хоть изредка подкормить слабенькое создание. Встретив ее иногда одну, иногда с Игорем, который, выполняя наказ брата, сопровождал Настю, когда был свободен, баба Шура зазывала ее или обоих к себе:

– Заходите, ребята, я олады мигом напеку.

Они заходили, ели олады, пирожки или бутерброды с чаем, рылись на книжных полках бабы-Шуриной библиотеки, насчитывавшей сотни две томов, являвшейся радостью, гордостью гостеприимной хозяйки и едва вмещавшейся в ее миниатюрной квартирке.

Однажды зимой Игорь и Настя встретились случайно на улице. На дворе свирепствовал ветер, гнал снег, хлестал резкими порывами в лицо, чуть не сбивал с ног.

Игорь сказал:

– Настя, как хорошо, что я тебя встретил. Мне надо с тобой поговорить. Давай зайдем к Измайловой.

– А почему не к тебе или ко мне? – удивленно спросила Настя.

– Я не знаю, как отнесется твоя мать. А у нас гости.

– Ну, хорошо, – согласилась Настя.

Они зашли.

Александра Матвеевна до их прихода сидела за столом и увлеченно разбирала стопку черно-белых и цветных рисунков, иллюстраций, фотографий, репродукций, бессистемно вырезанных и собранных в разное время из различных журналов, книг и календарей и небрежно сложенных в старую потрепанную папку.

Рисунки и репродукции были помятыми, местами надорванными, некоторые без углов или с загнутыми углами.

Она аккуратно разглаживала их руками и думала, что некоторые надо прогладить утюгом, только как бы не испортить совсем. Через бумагу проутюжить, что ли?

Отобрав несколько репродукций, она подолгу рассматривала их, любовалась ими.

Первой оказалась в руках Джоконда Леонардо да Винчи – многомиллионная копия со знаменитой картины.

Пять веков все человечество любит-ся этим шедевром и не может решить, что же означает этот взгляд, эта полуулыбка Моны Лизы.

«Она не красавица, – решила Александра Матвеевна. – Но по сравнению с некоторыми (она имела в виду себя) прямо-таки великолепна».

Потом она стала рассматривать «Неизвестную» Ивана Николаевича Крамского.

«Зато вот эта – удивительной красоты женщина! Какое совершенство! Но взгляд

надменный, неприступный. А может быть, презрительный. А может, это сознание своей красоты и не более».

Далее Александра Матвеевна залюбовалась Венерой Милосской, изображением этого безрукого шедевра, поврежденного беспощадным временем или не менее беспощадными людьми.

Сколько в этом создании красоты и прелести! Как великолепно изваяна каждая частица лица и тела!

А вот Афродита...

Но только баба Шура взяла в руки снимок прекрасной скульптуры Афродиты для острова Коса (скульптура Праксителя – с шариком в правой руке и перекинутой через другую руку одеждой) и хотела всмотреться в него, раздался звонок. Она прекратила свое занятие и впустила Настю и Игоря.

Они вошли.

Но именно в этот момент Александра Матвеевна взглянула на часы: это было время, когда ей нужно было уйти. Она делала на дому одному тяжелобольному инъекции внутривенно за определенную мзду от любящих родственников. И поскольку она была человеком дисциплинированным и обязательным, она заторопилась к назначенному времени к пациенту. Но, зная Игоря с пеленок, сказала:

– Ладно, вы тут посидите, «АиФ» почитайте. Я через час вернусь. Будем пить чай. Если не дождетесь, захлопните дверь. Ключ у меня есть.

Александра Матвеевна ушла. И как только за ней закрылась дверь и молодые люди сняли верхнюю одежду, Игорь взял со стола репродукцию другой Венеры – Венеры Таврической – совершенно нагой, тоже без рук, с головой, повернутой в сторону. Прочитал вслух:

– Римская копия с греческого оригинала. Третий век до нашей эры. Мрамор. Эрмитаж.

Спросил Настю:

– А ты хотела бы раздеться как она?

И показал ей снимок.

– Нет, конечно, – ответила Настя, покраснела. И подозрение и страх сразу же зародились в ее голове.

– А ты, между прочим, похожа на богиню, – сказал Игорь и бросил репродукцию на стол. Она упала мимо на пол.

Игорь, как бы шутя, схватил Настю, повалил на кушетку и стал целовать.

Настя сначала засмеялась, но тут же поняла, что намерения у Игоря весьма серьезные. Стала вырываться, сопротивляться, пытаясь закричать. Он зажал ей рот...

...Он никогда, ни в чем не умел и не хотел себе отказывать.

Когда баба Шура вернулась, она никого не застала. Однако подобрала с пола Венеру Таврическую. На нее, видимо, Игорь наступил ботинком и оставил на репродукции след от подошвы.

Две недели Настя не понимала, зачем она еще живет, растоптанная, морально и физически уничтоженная. Матери она не сказала ничего. Она не могла добивать больную женщину. Игоря Настя больше не видела. В милицию не обращалась.

Но мать — есть мать. Ее не проведешь. Как только Настя перешагнула в тот день порог своего жилища, Ирина Ивановна по ее напряженному, скованному виду, закушенным губам в первую же секунду появления дочери сразу после происшествия быстрым своим бабьим умом мгновенно сообразила, что с дочерью произошло что-то страшное, непоправимое, оскорбительное.

Лицо ее выразило страдание. Она стала мимикой лица, движениями рук взволнованно спрашивать, что случилось. Настя прекрасно понимая материн язык жестов, знакомый ей с самого раннего возраста (она даже до поступления в технологический техникум питания подумывала стать сурдопереводчицей), стала отвечать ей жестами, стараясь успокоить мать, убеждая ее, что ничего с ней не случилось. На что Ирина Ивановна махнула на Настю рукой и, показывая свое горе, обхватила лицо ладонями и покачала несколько раз головой из стороны в сторону.

— Э-м! Э-э-эм!

Да, она была умна, эта женщина.

Ирина Ивановна все хваталась за голову руками, терла ладонями лоб, все выдавливая из себя очень знакомые Насте звуки:

— Ээ-м! Эм-м!

Но Настя матери так ничего и не сказала. Однако Олегу написала: «Игорь подлец. Мне не хочется жить».

Олег написал Игорю: «Приеду — убью!»

Не сказала Настя ничего и Александре Матвеевне, только пожаловалась как-то на страшную бессонницу. Баба Шура посоветовала несколько дней попринимать на ночь снотворное.

Настя сразу сообразила, что это для нее самый подходящий выход. Она купила много стандартов в разных аптеках, чтобы ее ни в чем не подозревали (хоть кому, впрочем, нужна чужая судьба). И употребила все сразу. Она умерла от передозировки. Записки никакой не оставила. И по микрорайону ползли шипящими змеями разные слухи и домыслы.

Когда Олег вернулся из армии, Игоря в городе не было. Он его долго и упорно искал, ходил к нему домой, поджидал в

подъезде, пока соседи не сказали, что Игорь уехал в Москву в длительную командировку.

Семен сводил Олега на кладбище к Насте. Они молча посидели на скамеечке подле могилы.

Олег повзрослел, возмужал, посерьезнел. Он был мрачен, как черная туча, нависшая над кладбищем. Казалось, что она неподвижна и будет висеть вечно, как память о Насте, навечно поселившаяся в его душе. Олег не проронил ни единой слезы. Только коротко рассказал Семену о письме Насти. Семен о нем ничего не знал. Он поразился, услышав о таком предательстве. И только тут, на кладбище, понял, что произошло на самом деле.

Но молодые люди долго горю не поддаются. Горе Олега постепенно сгладилось, а память осталась на всю жизнь.

Олег после кладбища зашел к Ирине Ивановне проведать ее.

Ирина Ивановна обняла его и поцеловала. Потом, как и раньше, подняла большой палец руки кверху и удовлетворенно произнесла:

— Эм! Э-э-э-мм!

Показывая этим, что он хорошо выглядит. Добрый молодец, одним словом. Потом подвела его к окну, из которого хорошо был виден сосновый бор с кладбищем. Она указала пальцем на лес, потом на фотокарточку Насти на стене, в черной рамочке, потом сложила ладони вместе под склоненную к правому плечу голову и опять, но на этот раз скорбно и печально выдавила из себя:

— Ээ-э-м!

Дескать, спит там вечным сном доченька. И нет ей возврата сюда домой к маме. Она покрутила пальцами перед лицом Олега, пытаясь что-то объяснить ему. Но он не понял. Тогда она подняла руку вверх, выше роста Олега, открыла рот, сжала пальцами щеки, вдавив их и тем самым показывая удобу, и он сообразил, что речь шла об Игоре. Ирина Ивановна подтвердила догадку Олега тем, что погрозила своим маленьким кулачком в сторону их дома. И Олегу стало ясно, что Ирина Ивановна все давно поняла.

Она выглядела худой, бледной, измученной. И Олегу было страшно смотреть на нее.

С Игорем Семен с Олегом столкнулись неожиданно месяца через два, когда осень всю торжествовала. Ветер грубо срывал с деревьев пожелтевшие листья и сметал их, как добросовестный дворник, к оградкам и в кюветы. И часто шли затяжные дожди.

Они столкнулись в своем дворе. Олег перегородил Игорю дорогу. Схватил его

левой рукой за грудки, а правым кулаком боксерским тычком ударил его прямо в лицо. По лицу сразу потекла кровь.

– Подлец! Мерзавец! – выкрикнул Олег и ударил еще и еще.

– За что? – закричал Игорь, закрываясь руками.

– За дело. За Настю, – и ударил опять наотмашь.

Семен опомнился от внезапности нападения, схватил Олега сзади за плечи и оттащил от Игоря.

Игорь выплюнул выбитый зуб и, утирая кровь, а больше размазывая ее по лицу, клялся и божился, что Настя соблазнила его сама, проходу, дескать, ему не давала.

Олег не поверил и ни на секунду не усомнился в верности Насти.

– Врешь, гад! – выкрикнул он, снова рванулся к Игорю и хотел ударить его еще. Но Семен держал Олега, как бульдог, мертвой хваткой и крикнул Игорю:

– Уходи!

Игорь развернулся и побежал трусцой к своему подъезду.

Семен подумал про Олега: «Его, как слона, разозлить, раскошегарить надо, чтобы он, в общем-то, медлительный, спокойный вдруг вскипел и бросился на обидчика, готовый растоптать. И тогда остановить его месть почти невозможно».

Александра Матвеевна сказала тогда по этому поводу Семену:

– Вот и пошел теперь брат на брата, как супостат на супостата.

6

Семена в армию из-за короткой ноги не призывали. Он после школы устроился работать на оборонный завод, да так и проработал там долгие годы, параллельно получив диплом техника-технолога на вечернем отделении заводского техникума.

Игорь от службы в армии даже на один год после окончания института то ли закосил по зрению и носил темные очки с простыми стекляшками, то ли у него действительно резко снизилось зрение, во что знавшим его не очень-то верилось, тем более что по прошествии двух лет очки он носить перестал, а красавиц одну за другой разглядеть сумел.

Пожил без регистрации сначала с одной. Через короткий срок с ней расстался. Потом с другой. И тоже вскоре выпроводил ее на все четыре стороны. И продолжал менять женщин с определенной периодичностью.

Поработав всего пару месяцев инженером-механиком в автотранспортном предприятии по окончании вуза и будучи там же секретарем комсомольской орга-

низации (его избрали за проявленную сверхактивность), он благополучно оказался на вакантной должности инструктора в райкоме комсомола.

По долгу службы Игорь ходил по мероприятиям на комсомольские собрания и, не имея по сути жизненного, производственного и организационного опыта, получал комсомольцев, как надо вести комсомольскую работу и воспитывать несознательную молодежь.

Имея прекрасные внешние данные, насмешливый, язвительный, даже дерзкий ум, он легко вписался в райкомовскую элиту, и уже через год его прочили в секретари райкома по идеологической работе, как вдруг Горбачев смог начать, углубить свою перестройку, и процесс пошел.

Последний генсек разрешил сначала организацию частных строительных кооперативов, которые в большинстве своем вскоре полопались, как пузыри в лужах во время дождя, а вслед за ними высочайше были позволены различные банковские и коммерческие структуры. И главные районные и городские партийные боссы, а вслед за ними и взлещевские руководители стройными шеренгами ринулись в них и, зная все юридические возможности полученных свыше разрешительных документов, входы во все инстанции и благополучные выходы из них, мигом организовали свои сверхприбыльные дела, фирмы и фирмочки и устроились в них, как осенние мухи на банке с вареньем. И среди них весьма успешным был Игорь.

Он тоже завел свое дело. Организовал посредническую фирму по реализации на Дальний Восток железа и стали.

Дела у него шли успешно. Фирма его процветала. Ничего не производя, он получал огромные прибыли.

Родители его уехали навсегда в другой город к старшей дочери, у которой постоянно болели дети. Им повседневно требовалась помощь. Они бросились оказывать эту помощь, навечно оставив Игорю свою потом и кровью заработанную трехкомнатную квартиру.

Он прикупил у спившихся алкашей к ней соседнюю двухкомнатную, объединил, пробив дверь в капитальной стене, нанял бригаду, сделавшую шикарный евроремонт: сменили всю сантехнику, люстры, устелили квартиру великолепным напольным покрытием и покрасили и перекрасили все, что можно покрасить и перекрасить. Потом сменил всю мебель и жил один больше десяти лет, не связывая себя ни с одной претенденткой на свою роскошь и финансовые возможности.

Женщины не интересовали Игоря со-

всем. Он их больше к себе не водил. И сам к ним не ходил.

Его интересовал только бизнес. Деньги делали новые деньги. И он был полностью поглощен только тем, что множил и множил прибыль в геометрической прогрессии. Он не позволял себе улететь даже на неделю в заморские южные страны, чтобы освежиться там на просторе в теплом южном море. Все помыслы, а иногда и бессонные ночи, напичканные мыслями о прибыли, делали его рабом золотого тельца. И он уже не признавал другого занятия, как погоня за процентами, приобретение недвижимости и еще большего количества денег.

И только когда перешагнул сорокадвухлетний рубеж, спохватился и решил, пора все-таки жениться. Не куковать же, в конце концов, весь век одному. И детей давно пора завести. И что для этой цели лучше всего подойдет новая его секретарша, хорошенькая куколка Зина, о чем он доверительно сообщил Александре Матвеевне и некоторым знакомым мужикам, которые тут же небрежно-фривольно окрестили его пассию секретуткой.

Измайлова спросила Игоря:

– Любишь ее, Игорек?

Игорь пожал плечами.

И баба Шура сразу уразумела, что любви к Зине у Игоря не было и нет. Он решил жениться просто потому, что все женятся, что так заведено, так положено в человеческом сообществе. Да и Зина, скорее всего, тоже не пылала от любви к человеку, изрядно поношенному, старше ее на двадцать четыре года.

Олег, очень болезненно пережив уход из жизни любимой девушки, до двадцати девяти лет вообще не смотрел в сторону женщин.

Женился только, когда встретил спокойную ласковую Светлану, неудачно побывавшую замужем за жутко пьющим мужиком, аргументами которого в решении любых семейных вопросов были увесистые кулаки.

Получив десятки синяков, перетерпев сотни оскорблений, она твердо решила, что предназначение женщины состоит не в раздорах с опустившимся грязным человеком с вечно замутненным разумом, а в любви, создании семьи, рождении и воспитании детей. И когда ей в одной новогодней компании встретился Олег, она решила испытать судьбу второй раз.

И к ним пришла любовь. Без громких слов, тихая, нежная, преданная. Она принесла счастье и подарила двоих детей, как хотела Светлана и как мечтал и прогнозировал Олег.

Но жизнь в стране круто повернулась. Завод железобетонных изделий, на котором Олег трудился бетонщиком в железобетонном цехе, приватизировали, большинство работников уволили. Предприятие затрещало по швам, лопнуло и обанкротилось. И начались для Олега мытарства и кошмары.

Олег долго метался в поисках работы, но ничего подходящего не нашел. Стоял на учете как безработный. А детей надо было кормить. Он тоже решил открыть свое дело. Сколотившись, закупил оборудование для выпечки хлеба. Хотел с одним приятелем наладить производство. Но оборудование из гаража приятеля, где оно хранилось временно, украли, выворотив замки.

И опять начались поиски работы. Работа попадалась временная, сезонная, но основательного ничего.

Родители Олегу ничем помочь не могли по той простой причине, что их к тому времени просто не стало.

Еще года три назад они поехали в Кемерово на золотую свадьбу к родственнику, совсем почти непьющие выпили по рюмке и ушли в мир иной вместе с другими многочисленными гостями, отравившись поддельной водкой, купленной по дешевке в каком-то киоске.

Однажды Игорь, зная о бедственном положении Олега, передал ему через Семена, что может взять его к себе на работу за хорошие бабки. Олег отказался. Нашел место возить одного хозяина на своей легковой машине. Возил всю зиму. Но как только «Москвич» на пару дней вышел из строя и Олег мотался по городу в поисках запчастей и ремонтировал его, предупредив работодателя о случившемся, тот мигом уволил его. Олег приехал, починил машину, а на его месте – уже новый водитель.

Тогда Олег отыскал другого благодетеля, хозяина продовольственного магазина, которому необходимо было ежедневно привозить продукты малыми порциями, и его вполне устраивал шофер с личным «Москвичом»-шиньоном.

Два года Олег работал на магазинно-ладельца от зари до зари. О продолжительности рабочего дня нельзя было даже заикаться.

Болезнь не смей. Отпуск не спрашивай. Трудовой книжки владелец магазина не заполнял. Деньги платил за отработанные дни регулярно. Каждый день по сотне вечером.

Но вот подвел «Москвич», опять сломался. Принялся Олег починять его. Отремонтировал, завел, сел уставший, измученный погреться и заснул навсегда.

7

До середины апреля погода вихлялась из стороны в сторону, как маятник у ходиков: то туда, то сюда. Морозы перемежались с малыми оттепелями. А в середине месяца началась слякоть.

В центре города было сухо и все вылистано. На окраине же подтаявший снег мокрой кашей хлюпал под ногами вперемешку с водой на дорогах. Особенно много раскисшего месива было с северной стороны домов на внутриквартальных дорогах у подъездов. Ноги оскальзывались на заледенелых бугорках и месили грязный снег пополам с водой.

В одном месте Александра Матвеевна, как ни осторожничала, все-таки упала. И тут ее окликнула Зина:

– Осторожней надо, баба Шура.

– Куда уж осторожней. И так куриными шажками двигаюсь. Да вот все равно грохнулась.

Зина подошла, помогла подняться, отряхнула Измайлову. Они перекинулись несколькими фразами.

– Не ушиблись?

– Похоже, Бог миловал. Как жизнь, Зиночка?

– Какая жизнь, баба Шура. Разве это можно назвать жизнью? Александра Матвеевна удивленно посмотрела на Зину:

– Почему же? У вас такая большая квартира. Игорь так много добывает денег.

– Квартира большая, да что толку. Два месяца живем, а он еще ни разу меня не тронул. Свет зажжет, смотрит да руками гладит, а сделать ничего не может. – На этих словах Зина поперхнулась. Она сообразила, что сболтнула лишнее. Мягко, заговорщически попросила: – Только, пожалуйста, баба Шура, это строго между нами.

– Конечно. Не беспокойтесь. Мне можно доверять.

Зина посмотрела на Александру Матвеевну с недоверием. Тайна теперь уже не являлась тайной. Она сама ее бездумно выдала. И теперь ее уже не вернуть по принципу: слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.

Но Александра Матвеевна, поняв ее сомнение, снова успокоила ее:

– Не волнуйтесь, Зиночка. Тут могила, – она положила ладонь себе на грудь, – что сюда попало – умерло.

Зина согласно кивнула и сразу перевела разговор на вторую часть бабы-Шуриной реплики:

– А что касается денег, Игорь пролетел. И пожалуй, кончились его денежки.

– Как же так?

– А он, похоже, запутался.

Игорь действительно запутался. Точнее, он занял огромную сумму у одного своего знакомого в надежде получить еще больше за очередную поставку металла. Но напарник по фирме, как говорят теперь, кинул его, оформив все документы на одного себя, лишив Игоря даже надежды на хоть какую-то прибыль.

Игорь в назначенный срок вернуть долг не смог. Просил отсрочку. Кредитор, естественно, потребовал немедленного возврата. Об отсрочке и слушать не захотел.

И конечно, произошла банальная по теперешним временам история. Игоря поставили на счетчик. А когда он и после этого долг не возвратил, его заказали и устроили ему автокатастрофу.

Выследили его после разговора Зины и бабы Шуры дня через три, когда он ездил на своей «Тойоте» по делам в районный центр, и устроили ему на обратном пути подставу – груженный КамАЗ.

Как только Игорь пытался несколько раз обогнать слева едущий с приличной скоростью грузовик, тот, вихляя кузовом, выгнулся боком на левую половину трассы, загоразивая обгон. Тогда Игорь решил обскатить его справа. Набрал скорость. Но и КамАЗ дернулся вправо, подставив ему зад, и резко тормознул.

Игорь сманеврировать не успел. «Тойота» – в гармошку. Тело Игоря вынули гибдэдисты, патрульно проезжавшие по автомагистрали минут через двадцать после столкновения, положили его на обочину прямо на снег. Оно лежало в слякотной каше, окрасив ее просочившейся из многочисленных резаных, разбитых стеклом ран кровью.

КамАЗ с места ДТП после замеров и составления протокола отпустили с миром, решив, что во всем виноват сам погибший. За телом Игоря в морг ездил Семен.

Ирина Ивановна случайно оказалась у подъезда, когда привезли тело Игоря. Она печально сказала:

– Эмм!

И горестно покачала головой.

Семен понял, что ей было жалко погибшего.

– Ээ-м! – подтвердила она.

После похорон Зина вынужденно продала квартиру Игоря, долг вернула и в страхе тайно улетела в другой город, не сказав в какой даже близким подругам и Александре Матвеевне.

2002 г. Новосибирск